ТУЛЬСКОЕ УМЕРЕННОЕ ЯКАНЬЕ В СИНХРОНИИ И ДИАХРОНИИ¹

© 2012 г. Д. М. Савинов

В статье представлен многофакторный анализ умеренного яканья в тульских говорах. Применение этой методики способствует выявлению генетических и типологических связей тульского умеренного яканья с другими южнорусскими системами вокализма, позволяет рассмотреть развитие этой модели как результат внутреннего развития местной фонетической системы.

This paper presents the multi-factor analysis of a moderate type of pretonic vocalism in the dialects of Tula (this type of vowel reduction is named in Russian “umerennoe jakan’e”). The presented method is instrumental in revealing genetic and typological relations between this moderate pretonic vocalism and other South-Russian vowel systems, which allows us to interpret this vocalism pattern as an outcome of the inner development of the regional phonetic system.

Ключевые слова: русская фонетика, диалектология, история русского языка, аканье, яканье.

Key words: Russian phonetics, dialectology, history of the Russian language, akan’e, jakan’e.

Изучение умеренного яканья в говорах Тульской обл. имеет длительную историю, оно связано с именами Н.Н. Дурново, Р.И. Аванесова, В.Н. Сидорова, Ф.П. Филина, К.Ф. Захаровой, Н.Б. Париковой. Основные результаты этих исследований в целом сводятся к следующим утверждениям. Во-первых, поскольку гласный 1-го предударного слога при умеренном яканье зависит не от качества ударного гласного, что характерно для большинства других типов яканья, встречающихся в южнорусских говорах, а от твердости или мягкости последующего согласного, то и тульское умеренное яканье следует рассматривать как тип вокализма, сформировавшийся вследствие взаимодействия южнорусского наречия со среднерусскими говорами на севернорусской основе, для которых подобная зависимость является актуальной, или под влиянием московского койне [2, с. 159, 166; 3, с. 41; 4, с. 14–15]. Победа в тульских говорах северной тенденции обусловлена ее “всеобщностью” и наличием в системе большинства говоров русского языка фонологической категории твердости-мягкости согласных [5].

Во-вторых, в тульских говорах отсутствует параллелизм реализации гласных 1-го предударного слога после мягких и после твердых согласных. Единственно, что объединяет аканье и яканье в исследуемых говорах, – это отсутствие диссимилятивной основы систем предударного вокализ-

ма. Так, например, Ф.П. Филин категорически утверждал, что “на территории тульской группы говоров не имеется ни малейших следов диссимилятивности” [6, с. 91].

Наконец, процесс изменения предударного вокализма после мягких согласных в тульских говорах принципиально отличался от постепенной трансформации диссимилятивного яканья, которая обнаруживается в современных южнорусских говорах, когда во вновь образующейся системе сохраняются явления, связанные с процессом постепенного изменения чисто диссимилятивной системы вокализма [7, с. 30].

В большинстве упомянутых работ наиболее пристальное внимание уделялось диахронической интерпретации данного типа вокализма, а также сравнению тульских говоров с различными среднерусскими говорами². Некоторые авторы на основании типологического сходства систем

¹Предлагаемое исследование является продолжением статьи, посвященной многофакторному анализу систем предударного вокализма в южнорусских говорах [1, с. 15–25].

²Особенно показательна в этом смысле работа Н.Б. Париковой [8, с. 80–97], где тульские говоры сравниваются, с одной стороны, с Восточными и Западными среднерусскими говорами, с другой, – с говорами территорий позднего заселения, для которых характерна пестрота диалектного ландшафта. Подобную постановку проблемы следует признать некорректной: упомянутые в статье говоры имеют разные диалектные основы, характеризуются уникальными комплексами диалектных черт, а также отличаются условиями своего формирования. Поэтому единство структуры предударного вокализма после мягких согласных может свидетельствовать лишь о продуктивности в русских говорах такой фонологической модели, которая лежит в основе умеренного яканья.

предударного вокализма в Тульской группе, с одной стороны, и различных группах средне-русских говоров, с другой, делают вывод об их диалектной близости, которая объясняется ранним присоединением тульского края к Москве, а также миграционной активностью населения на важнейшем стратегическом пути в “дикое поле”. Однако данное утверждение слабо верифицируется диалектными данными, а также фактами смежных наук: истории и этнографии. Это связано с тем, что в его основу положен не анализ системных отношений в рамках единого диалектного континуума, то есть говоров, имеющих очевидные ареальные и генетические языковые связи, а формальное сходство разнородных систем, когда в основе типологизации диалектного пространства лежат произвольно выделенные фонетические признаки – структурная близость типов предударного вокализма после мягких согласных. Как писал Р.И. Аванесов, “структурное тождество изучаемого явления в разных диалектах может оказаться результатом качественно различных и относящихся к разному времени процессов” [3, с. 27].

Очевидно, что диахронический анализ без синхронной лингвистической характеристики ареала тульских, а также периферийных по отношению к тульским говорам всегда будет однобоким и одномерным. Для решения поставленной проблемы необходимо взаимодействие диахронического аспекта и синхронии, многофакторный анализ и оценка современного состояния умеренного яканья в тульских говорах, выявление схожих тенденций развития в соседних южнорусских диалектах.

Ликвидировать этот пробел призвана настоящая статья, в которой будут рассмотрены три основные проблемы. Во-первых, определена сущность умеренного яканья на синхронном уровне, выявлены другие южнорусские системы вокализма, основанные на принципе умеренности. Во-вторых, представлен комплексный анализ современных систем вокализма в говорах Тульской обл. с целью обнаружения фактов, указывающих на их диссимилятивную основу. В-третьих, рассмотрена проблема возникновения умеренного яканья с учетом всех выявленных особенностей, а также с привлечением данных соседних диалектных систем, что позволит проанализировать исследуемый тип вокализма в контексте единого южнорусского языкового массива.

1. Для определения сущности умеренного яканья необходимо ответить на вопрос, чем обусловлен выбор гласного в 1-м предударном сло-

ге: палатализованностью следующего согласного или какими-то другими его характеристиками. С синхронной точки зрения систему умеренного яканья нужно рассматривать как фонологическую модель: перед мягкими фонемами произносится гласный [и] (или [e]), перед фонемами, не обладающими этим признаком, – [а].

Один из аргументов в пользу этого утверждения – поведение отвердевших шипящих в системе умеренного яканья: звуки [ш] и [ж] могут воздействовать на предударные гласные то как мягкие, то как твердые согласные: $\partial[’и]жой$ и $\partial[’а]жой$; $m[’и]шáть$ и $m[’а]шáть$, $л[’и]жу$ и $л[’а]жу$. По мнению Н.Б. Париковой, “для тульских говоров с умеренным яканьем в этом положении произношение *и* является основным”, хотя она отмечала также существование систем с единичными случаями употребления звука [а] перед отвердевшими шипящими независимо от ударного гласного [7, с. 23].

Материалы, собранные в Белёвском и Венёвском районах Тульской обл.³, свидетельствуют о том, что из шести населенных пунктов с преимущественным распространением умеренного яканья лишь в одном шипящие сохраняют рефлекс своей былой палатализованности, тогда как во всех остальных обследованных говорах [ш] и [ж] функционируют как твердые согласные. Видимо, этот факт обусловлен периферийностью белёвских и венёвских говоров по отношению к эпицентру появления умеренного яканья, более поздним формированием этого типа вокализма.

Указанная особенность свидетельствует о фонологической сущности умеренного яканья. Шипящие в большинстве тульских говоров – твердые согласные, они не противопоставлены по признаку твердость / мягкость, поэтому артикуляционная твердость оказывается для /ш/ и /ж/ фонологически несущественной. Однако фонологическое содержание этих фонем проявляется в контексте, то есть система предударного вокализма сама выбирает стратегию употребления звуко-типа: либо сохраняет мягкость *и* и *ж*, реагируя на них как на мягкие фонемы, либо реализует закономерности, характерные для позиции перед твердыми согласными.

Другим аргументом в пользу фонологической обусловленности умеренного яканья является реакция предударного гласного на консонантные сочетания с первым твердым и последним мягким согласными: в этой позиции обычно произносит-

³ Записи говоров Белёвского и Венёвского р-нов Тульской обл. сделаны автором статьи в 1999–2000 гг.

ся гласный [и]: *m[’имн’]éть, з[’имл’]ёй, n[’икл’]и, кр[’ипл’]юсь* – дистантное фонетическое влияние в данном случае сомнительно.

Существуют и другие точки зрения, объясняющие это явление как с позиции фонетики, так и с позиции морфонологии. Например, Ф.П. Филин интерпретирует подобное произношение как особенность, свойственную фонетической системе говоров. По его мнению, подобные сочетания представляют собой единый звуковой комплекс, сочетание двух согласных, которые “ведут себя в данном случае как один согласный, причем определяющим является мягкий согласный” [9, с. 178].

Р.И. Аванесов “происхождение этой аномалии” объясняет “воздействием со стороны тех же грамматических форм других слов, которые не имеют сочетания согласных или имеют сочетания мягких согласных (т.е. случаи [п’икл’и], [л’игл’и] появились под воздействием случаев типа [в’ил’и], [н’ис’л’и]” [10, с. 166]. Н.Б. Парикова возражает против такой трактовки: “Произношение *a* наблюдается в тех же грамматических категориях, где обычно произношение *u*, а также в форме им.-вин. падежей мн. ч. существительных м.р. (*къч’атк’и, в’п’атк’и, в’анк’и, шарк’и, жалтк’и*). Поэтому морфологический подход к объяснению этого явления вряд ли правомерен” [7, с. 20].

Л.Л. Касаткин дает другое решение этой проблемы. Проанализировав примеры, приведенные Н.Б. Париковой, он пришел к выводу, что выбор предударного гласного в позиции VCC’ зависит от фонологической значимости признака мягкость у последнего согласного сочетания. Произношение гласного [а] перед консонантными группами с первым твердым переднеязычным и последним мягким заднеязычным связано с отсутствием дифференциального признака “твердость-мягкость” у фонем /к/, /г/, /х/. Л.Л. Касаткин пишет: “Способность смягчать предыдущие согласные у переднеязычных и губных и отсутствие такой способности у заднеязычных кроется не в особенностях их фонетической мягкости, а в их фонологическом статусе. Мягкость переднеязычных и губных согласных была фонологически существенна, а у заднеязычных согласных фонологически несущественна, позиционно обусловлена” [11, с. 462].

Фонологический характер умеренного яканья косвенно подтверждается и отсутствием параллелизма вокалических систем после твердых и мягких согласных, наличие которого обычно объясняется действием живых фонетических тенденций. Кроме того, при формировании про-

тивопоставления [и] – не-[и], которое свойственно большинству тульских говоров с умеренным яканьем, любой тип предударного вокализма существует уже не как фонетически закономерная система, но основан на фонологическом или лексико-морфологическом принципах употребления в 1-м предударном слоге того или иного звукотипа [12].

Важно отметить, что выбор предударного гласного при умеренном яканье зависит от наличия или отсутствия признака мягкость у следующего согласного, то есть определяющей в подобной системе должна быть признана позиция перед мягкими согласными. Именно мягкость согласного обуславливает появление звукотипа [и] не только в системах чисто умеренного яканья или диссимильтивно-умеренного, но и диссимильтивного яканья суджанского и дмитриевского типов. В этих системах вокализма также проявляется фонологическая тенденция к умеренности, то есть к произношению звукотипа [и] перед мягкими согласными, однако она позиционно прикреплена и действует только перед гласными среднего подъема, то есть [и] отмечается перед ударными [е] (из *ъ и *е) и [’о].

В говорах с суджанским и дмитриевскими типами могут отмечаться отдельные примеры, которые противоречат этому принципу, но сохраняют следы бывшего параллелизма между мягкой и твердой разновидностями парадигм, то есть имеют характерные черты своего прототипа – архаического яканья обоянской разновидности. Наряду с примерами *погл[’и]дела, н[’и]вэста, д[’и]мэй, б[’и]рэм, в[’и]сёлый, с[’и]рётка* отмечаются формы *б[’а]льё, з[’а]млёй, штаб[’а]лёв* – по аналогии с *з[’а]рно, с[’а]стро́й, л[’а]сов*. Анализ подобных систем показывает, что перед твердыми согласными действуют другие закономерности, а на выбор предударного гласного влияют другие факторы. В дальнейшем в зависимости от того, становится ли тенденция к умеренности правилом позиционного чередования или нет, на основе суджанского диссимильтивного яканья начинает формироваться диссимильтивно-умеренное яканье неархаического типа или умеренно-диссимильтивное яканье кидусовской разновидности (см. подробнее [1, с. 18–22]).

Структурные особенности диссимильтивно-умеренного и умеренно-диссимильтивного типов яканья свидетельствуют о том, что они не должны определяться типологически равнозначными терминами. Диссимильтивно-умеренное яканье действительно совмещает принципы диссимильтивности перед твердыми согласными и умерен-

ности – перед мягкими, что и отражено в термине. Однако не может быть признано корректным определение умеренно-диссимилятивного яканья как типа, сочетающего принцип умеренного яканья – перед твердыми согласными и принцип диссимилятивного яканья – перед мягкими [13, с. 102]. В отличие от умеренного и диссимилятивно-умеренного типов вокализма, появление умеренно-диссимилятивной модели яканья вовсе не обязательно обусловлено действием принципа умеренности: например, новосёлковская разновидность умеренно-диссимилятивного яканья развивается на основе щигровской модели в результате распространения гласного [а] перед ударным [а] [12, с. 19–20]⁴. При кидусовской разновидности, сформированной на основе суджанского яканья, произношение [и] перед мягкими согласными также не становится позиционным правилом, и даже перед ударными гласными среднего подъема отмечаются исключения, свойственные его диссимилятивному прототипу.

Таким образом, при умеренно-диссимилятивном яканье произношение [а] перед твердыми согласными обусловлено закономерным развитием соответствующей системы щигровского или суджанского диссимилятивного яканья и актуализацией морфонологических факторов, но не фонологических. Поэтому употребление определенного звукотипа может быть связано с положением перед твердым согласным только внешне и только в том случае, если он регулярно противопоставляется звукотипу, появление которого обусловлено мягкостью следующего согласного (как при умеренном яканье).

2. Ученые, полагавшие, что тульское умеренное яканье появилось в результате влияния среднерусских говоров, подтверждают эту гипотезу полным отсутствием при умеренном яканье “следов диссимилятивной системы” [6, с. 91; 7, с. 32]. Диалектологический атлас русского языка не противоречит этому утверждению: по данным атласа, практически на всей территории Тульской обл. распространено сильное (недиссимилятивное) аканье и умеренное яканье, и лишь на западе, в Белёвском р-не, атлас отмечает диссимилятивное аканье жиздринского типа и диссимилятивно-умеренное яканье [15, карты 1, 3].

Аудитивный анализ звучащей речи современных систем предударного вокализма свидетельствует о том, что диссимилятивное аканье жиз-

дринского типа или его следы фиксируются на многих территориях Тульской обл. Р.Ф. Касаткина указала, что жиздринское диссимилятивное аканье отмечается в некоторых населенных пунктах Ясногорского [16, с. 221–222], а также Арсеньевского, Ефремовского, Одоевского и Венёвского районов [17, с. 100]. Отдельные примеры, которые свидетельствуют о функционировании в восточных говорах Одоевского р-на диссимилятивного аканья, обнаруживаются в записях В.Н. Каменева, сделанных еще в начале XX в.: *зв'тв'нт'ала, ть'шл'а, скь'з'ал, ть'в'ашему* [18, с. 53].

Зона диссимилятивного аканья в говорах Тульской обл. неоднородна по степени последовательности реализации диссимилятивного принципа. Наиболее последовательно жиздринское диссимилятивное аканье наблюдается в белёвских говорах: как правило, в позиции перед ударным [а] употребляются предударные гласные не-[а]: [э], [а], реже – [ʌ] и [о]. В некоторых населенных пунктах на исследуемой территории сохраняются рефлексы диссимилятивного аканья архаического типа. Употребление гласного [э] в именительном и винительном падежах мужского рода некоторых прилагательных и местоимений типа *какой, слепой* (наиболее часто – в форме *больной*) отмечается не только в ряде населенных пунктов Белёвского р-на (деревни Таратухино, Черногрязка, Петрово), подобное произношение зафиксировано также в говоре с. Красного соседнего Одоевского р-на.

Жиздринское диссимилятивное аканье отмечается также и на других тульских территориях, так, в Венёвском районе следы функционирования диссимилятивного аканья жиздринского типа были обнаружены в четырех населенных пунктах: в Гатях [19, с. 102], Гриббвке, Сётке и Дёлговке. В этих говорах перед ударным [а] в 40% случаев отмечается качественная диссимиляция – в этой позиции произносится звук [э], значительно реже – [о]. Еще приблизительно в 20% фиксируются [а]-образные звуки, которые при этом сближаются по тембру со звуком [э]. В остальных примерах наблюдается предударный гласный [а], который может быть более повышенным. Такой предударный гласный [а], как правило, бывает менее длительным, чем ударный звук [а], то есть в исследуемом говоре наблюдается как качественная, так и количественная диссимиляция. Это явление отмечается также и в некоторых других говорах севера Тульской обл. [16, с. 221].

Подобная неоднородность диссимилятивного аканья в говорах Тульской обл. напрямую связана с качеством звуков, которые репрезентуют

⁴ В основе умеренно-диссимилятивного яканья новосёлковского типа может лежать и архаическое яканье задонской разновидности, осложненное ассимилятивностью перед ударными [э] и [а] [14].

звукотип не-[а] после твердых согласных. Лабиализация его реализаций становится причиной сохранения диссимилятивного аканья на западе ареала. В направлении на восток наблюдается изменение характера не-[а] – от *o*-образных звуков к *э*-образным, близким к [а]. С этим, очевидно, связана утрата в них диссимилятивности после твердых согласных, хотя гласный [а] перед ударными [а] может отличаться по степени подъема и количественным характеристикам от звука [а] перед другими ударными гласными, сохраняя тем самым лишь отдельные черты прежней системы вокализма.

Кроме того, характерной чертой тульских говоров, предопределившей дальнейшее развитие предударного вокализма, было положение на границе юго-восточной и юго-западной диалектных зон. Для юго-восточной диалектной зоны характерно формирование нового ритмического контура “сильный центр и слабая периферия”, для юго-западной – сохранение старого смешанного контура. В большинстве тульских говоров произошла смена тональной модели. Как и в юго-восточных говорах, здесь было окончательно сформировано акцентное ядро слова: ударный гласный и гласный 1-го предударного слога противопоставляются всем остальным гласным фонетического слова, что является необходимым условием для формирования сильного аканья и яканья. Однако на западе исследуемой территории смены тональных контуров не произошло, и структура фонетического слова по-прежнему оформлялась смешанным способом, что способствует сохранению диссимилятивного вокализма (подробнее о ритмической структуре слова в южнорусских говорах см. [20, с. 89–91; 21, с. 48–53]).

Диссимилятивная основа тульских говоров проявляется не только в позиции после твердых согласных, отдельные особенности системы умеренного яканья могут быть интерпретированы как рефлексы диссимилятивного вокализма. Так, Н.Б. Парикова, анализируя материалы ДАРЯ, обнаружила такие тульские говоры, для которых в единичных случаях между мягкими согласными характерно произношение [а] в соответствии с этимологическим *а. Подобный тип умеренного яканья признается автором работы “наиболее архаическим”. Н.Б. Парикова приходит к выводу, что в тульских говорах умеренное яканье сложилось в результате взаимодействия “с севернеликороусской системой вокализма” [7, с. 25–33].

Н.Б. Парикова не видит оснований связывать случаи произношения [а] с наличием определенных ударных гласных, ссылаясь на то, что “эти

случаи известны перед разными по подъему ударными гласными” [7, с. 26]. Однако приведенные Н.Б. Париковой примеры показывают, что произношение [а] между мягкими согласными зависит не только от этимологии, но и от качества ударных гласных: из 27 случаев употребления [а] в этой позиции 22 представлены в позиции перед ударным [и]: *n'at'í*, *d'is'at'í*, *yl'ad'í* (два раза), *yl'ad'ít'*, *pyl'ad'ím*, *pyl'ad'íu*, *k'st'an'íka*, *z'pr'au'í*, *nytr'ac'ís'*, *tyl'ak'í* (два раза), *tr'ac'ína*, *d'v'at'í*, *ryb'at'ísh'k*, *ryb'at'ísh'k'im'i*, *dr'v'an'ístai*, *z'ml'an'íka* (два раза), *s'ub'ir'ak'í*, *ch'ir'v'ak'í*, *x'm'ak'í*, а оставшиеся пять – в формах глагола *глядеть* (три перед ударным [е] из *ъ и два перед ударным [’а]). Причем эти 22 примера могут быть дополнены также теми случаями, в которых в 1-м предударном слоге перед ударным [и] произносятся звуки [е] и [е^н]: *v'gr'ez'í*, *ab'yezn'ílac'a*, *tr'e's'ína*, *d'v's'e't'ína*, *v'yr'e'z'í*. Как известно, для тульских говоров характерно противопоставление [и] – не-[и], звукотип не-[и] реализуется гласными в диапазоне от [е] до [а].

Сохранение диссимилятивной основы перед ударным [и] и сегодня отмечается в некоторых говорах с умеренным и диссимилятивно-умеренным типами вокализма. Например, в некоторых белёвских говорах перед ударным [и] в 1-м предударном слоге могут произноситься гласные, функционирующие как звуки верхнего подъема: *um'er't'v'íl*, *d'et'm'í*, *n'ekl'í*, *s'yed'ím*, *ver'n'ít'is'i*, *lesh'ícyá*. Впрочем, еще С.И. Котков предполагал, что “дальнейшее глубокое исследование умеренного яканья, вероятно, обнаружит в нем реликты безударного вокализма, построенного на диссимилятивном принципе” [22, с. 158].

Наконец, диссимилятивная основа предударного вокализма прослеживается в пограничных тульских говорах, а также в соседних курско-орловских, елецких и рязанских, наиболее ярко – на западе и юго-западе территории. Характерной особенностью этого лингвистического ландшафта, периферийного по отношению к основному массиву тульских говоров с умеренным яканьем, является совмещение принципа умеренности с прежними диссимилятивными отношениями. Здесь распространены разновидности диссимилятивно-умеренного яканья, а также суджанское диссимилятивное яканье, которые в позиции перед ударными /ω/ и /o/ могут сохранять следы своей архаической диссимилятивной основы.

Как известно, на периферии ареала инновация обычно проявляется менее последовательно: ее реализация “может быть связана с некоторыми

дополнительными условиями и ограничениями” [23, с. 336]. Например, в западных тульских говорах отмечено диссимилятивно-умеренное яканье архаической разновидности, при котором [а] в 1-м предударном слоге произносится перед твердыми согласными, после которых следуют ударные /у/, /и/ и /ω/ (или /о/ из *ω), и [и] – перед /а/ и /о/ (из *о или *б), а также перед мягкими согласными независимо от ударных гласных.

3. Итак, умеренное яканье, распространенное в тульских говорах, основано на фонологических закономерностях, которые в целом не уникальны для южнорусских систем предударного вокализма после мягких согласных. Фонологическая модель зависимости от твердости / мягкости согласного достаточно продуктивна в южнорусских говорах, она прослеживается не только при умеренном или диссимилятивно-умеренном типах вокализма, но в системе суджанского диссимилятивного яканья, которое широко распространено на севере Белгородской, в Курской и Орловской областях.

Не вызывает также сомнения, что тульское умеренное яканье представляет единый диалектный ареал с диссимилятивно-умеренным яканьем, которое характерно для периферии исследуемых говоров и которое в свою очередь обнаруживает генетические и типологические связи с суджанским диссимилятивным яканьем [12, с. 21]. Различные системы диссимилятивно-умеренного и суджанского диссимилятивного яканья сохраняют особенности, позволяющие в общих чертах реконструировать ситуацию, которая существовала при возникновении умеренного яканья в тульских говорах.

Необходимо обратить внимание на отсутствие отступлений от модели умеренного яканья, связанных с произносительными особенностями тех или иных слов и грамматических категорий (типа св[’и]крóвь, ч[’и]гó или з[’а]млѣй), что характерно для некоторых диссимилятивных и ассимилятивно-диссимилятивных систем южнорусского вокализма [1, с. 17–18]. Этот факт свидетельствует о том, что система позиционных чередований, характерная для тульского умеренного яканья, имела в своей основе фонетические закономерности, которые не допускали возможности морфонологизации и лексикализации произношения гласных в 1-м предударном слоге.

Как известно, тульскому умеренному яканью свойственна высокая артикуляция гласных 1-го предударного слога перед мягкой согласной [13, с. 230], то есть реализации фонем /’а/, /’о/, /е/ (/ѣ/) в 1-м предударном слоге перед мягкими согласными совпадают с аллофонами фонемы

/и/. Отсутствие произношений типа з[’а]мá или з[’а]мóй⁵ свидетельствует о том, что умеренное яканье имело в своей основе такой тип вокализма, при котором звукотип [а] противопоставлялся звукотипу [е] (не-[а]), вместе они были противопоставлены звукотипу [и], реализовавшему фонему /и/. В некоторых говорах, например в говоре с Катагощи Захаровского р-на Рязанской обл., а также в говоре семейских старообрядцев Забайкалья, южнорусском по своей основе, отмечается даже особый тип умеренного яканья с чередованием С’аСГ || С’еС’Г, названный Л.Л. Касаткиным катагощинским [24, с. 254].

Тульская, Курско-Орловская и Рязанская (Восточная) диалектные группы “весьма близки, а может быть, и едины в своей исторической основе”, грамматические и фонетические отличия этих говоров (среди последних наиболее существенны именно типы яканья) имеют позднейшее происхождение [3, с. 40–41]. В этих говорах типы яканья “образуют стройную систему, отдельные звенья которой представляют ступени ее постепенного внутреннего развития” [22, с. 165, 182]. Следовательно, отношения, характерные для архаических типов предударного вокализма, “были свойственны когда-то всем говорам, на базе которых сложился южновеликорусский диалектный массив” [22, с. 158].

Приведенные выше факты подтверждают это предположение. Структура предударного вокализма тульских говоров, имеющая ярко выраженную диссимилятивную основу, а также типологические и ареальные связи с периферийными системами, сохраняющими следы архаического вокализма, свидетельствуют о том, что в основе тульского умеренного яканья должен лежать архаический диссимилятивный тип вокализма с противопоставлением в 1-м предударном слоге [а] – не-[а], то есть диссимилятивное яканье задонской разновидности.

4. Возникает вопрос: действие каких фонетических закономерностей в системе архаического вокализма могло привести к формированию новой зависимости? Основным фонетическим фактором, обуславливавшим и обуславливающим до сих пор развитие систем аканья и яканья, является регрессивная ассимиляция предударных гласных ударным гласным [20, с. 93–95]. Наибольшее сильное влияние на общую структуру предударного вокализма ассимилятивные процессы оказывают

⁵ В западных тульских говорах с умеренным и диссимилятивно-умеренным типами яканья гласный [а] на месте /н/ фиксируется после ж и ш: жалá (жила), п’ир’жавáлэ (перезивала), рэжжамáиш, жавóт, бэл’шанствó (например в д. Таратухино и д. Володьково Белёвского р-на).

на системы с противопоставлением [а] – не-[а], что связано с отсутствием в структуре подобного типа вокализма возможности грамматикализации или лексикализации звукотипов. Наличие в 1-м предударном слоге звука [и] как одного из позиционных вариантов фонем неверхнего подъема всегда ограничивает дальнейшие изменения, связанные с действием фонетических процессов.

В русских говорах межслоговая вокальная ассимиляция может затрагивать признаки ряда, подъема и лабиализации. Например, новосёлковское ассимилятивно-диссимилятивное яканье сложилось в результате развития в системе архаического яканья задонской разновидности ассимиляции по подъему [14]. Видимо, начало формирования умеренного яканья было положено развитием в системе задонского архаического яканья ассимиляции по ряду⁶.

Можно предположить, что действие новации, результатом которой стало формирование умеренного яканья, изначально было позиционно ограничено: к такому выводу можно прийти в результате структурного анализа различных типов вокализма, имеющих в своей основе архаическое диссимилятивное яканье. Разумеется, в разных региональных вариантах трансформация архаического вокализма происходила неодинаково, однако всегда на первом этапе изменения захватывали позиции перед ударными гласными средне-верхнего и среднего подъемов: это характерно для формирования как вторичных диссимилятивных (щигровский, суджанский, дмитриевский типы), так и ассимилятивно-диссимилятивных вокалических систем (новосёлковский, ореховский типы).

Данная гипотеза подтверждается исследованием тульских памятников письменности XVII в., где указывается, что перед “слогом с е и ъ написаний я не отмечено”, а перед остальными гласными “прямые отражения яканья” фиксируются вне зависимости от твердости или мягкости следующего согласного, почему точное определение типа вокализма по данным памятников представляется затруднительным [26, с. 6]. Тот факт, что я не употребляется перед слогом с е и ъ, дает Е.А. Рыбочкиной “основание говорить о диссимиляции”. Однако совершенно очевидно, что эта особенность указывает как раз на ассимиляцию передним гласным, которая возникла прежде всего перед /ѣ/ (если считать, что перед

/е/ в 1-м предударном слоге гласный [а] никогда не произносился).

Можно привести еще одно доказательство в пользу высказанного предположения. Для современных говоров с диссимилятивно-умеренным яканьем архаической разновидности характерно архаическое диссимилятивное аканье: гласный [а] обычно произносится перед ударными /ω/ и /ѣ/, гласные [э], [о], [а] – перед /о/ и /е/: *аташлѣ, пакѣс; харуѣшѣ; у сас'ѣт'к'и, пас'ѣт'к'и, рас'в'ѣт*, но *плѣхѣи, бал'нѣи*, (им.п., м.р.), *зѣ сталѣм, пѣдѣјѣт'*; *вѣз'м'ѣш, пѣдѣид'ѣт'*, *у тѣб'ѣ, ѣт'ѣиц* и др. Однако здесь развивается тенденция к произношению перед реализациями фонемы /ѣ/ звуков [э], [о], [ы], в речи информантов всех возрастных групп фиксируются формы: *ш'илов'ѣк, нѣ ш'илѣв'ѣкѣ-тѣ, појѣду, пыјѣхѣлѣ, кѣп'ѣиш'к'и*, что можно объяснить влиянием регрессивной ассимиляции. В дальнейшем подобная система развивается за счет распространения гласных не-[а] в позиции перед монофтонгами верхне-среднего подъема, которые реализуют фонемы /ω/ и /ѣ/, а также реже – перед [и]. В речи информантов 1940–50-х годов рождения, помимо приведенных выше примеров, отмечены формы: *зѣкрѣс'н'ѣлс'ѣ, кѣ мн'ѣ, кѣрѣбу, сѣ-мнѣи, плѣт'к'и, хѣлс'т'ина, бал'н'ицѣ* и др. Соответственно после мягких согласных произношение [’а] также последовательно сохраняется только перед ударными [у] и [ы], тогда как перед реализациями фонемы /ω/ распространяется звук [и]. Гласный [’а] в этой позиции последовательно сохраняется только в некоторых именах собственных, например *цѣлѣѣѣкѣ* (улица в с. Кирѣйково), *цѣѣѣр'ѣи* (весенний церковный праздник), и некоторых собственно диалектных лексемах типа *жѣр'ѣлѣ* ‘переднее отверстие печи’. Подобная модификация системы предударного вокализма зафиксирована в некоторых говорах Белѣвского р-на Тульской обл. и Ульяновского р-на Калужской обл.

5. Как известно, архаическое яканье древнейшего вида имело в 1-м предударном слоге противопоставление [а] – не-[а]: гласный [а] произносился перед /и/, /у/, /ѣ/, /ω/ и [е] – перед /е/, /о/, /а/. Данные памятников свидетельствуют о том, что формирование умеренного яканья в тульских говорах началось при наличии системы различения под ударением фонем /ѣ/ и /е/ [26, с. 5]. По всей видимости, причиной изменения архаического вокализма стало развитие процесса монофтон-

⁶ См. предположение Л.Э. Калнынь, что умеренное яканье репрезентует “вокальную модель слова, которой свойственна такая суперсегментная характеристика, как слоговая гармония” [25, с. 28].

⁷ Отмечен даже пример *мыкѣи* (муки), появление звука [ы] перед /у/ также обусловлено ассимиляцией по ряду.

гизации дифтонгов⁸, появление упереденных гласных повышенного подъема на месте [а] в 1-м предударном слоге находится в прямой связи с распространением под ударением гласного верхне-среднего подъема [ɛ̣] на месте дифтонга [иѐ].

В результате действия регрессивной ассимиляции ударному [ɛ̣] архаическое диссимилятивное яканье изменялось в систему, подобную современному дмитриевскому диссимилятивному яканью: предударные гласные продолжали различаться перед /ω/ и /о/, но совпадали перед /ѣ/ и /е/. Затем регрессивная ассимиляция возникала перед ударным [и], потом – перед дифтонгом [иѐ], который в архаических южнорусских говорах реализует фонему /'у/ [11, с. 390]. Так возникло диссимилятивно-умеренное яканье наиболее архаического вида: звукотип [а] функционировал перед ударными [ы], [у], [о], звукотип не-[а] – перед [и], [ɛ̣], [е], [’у], [о], [’о], [а], [’а].

Под влиянием общей тенденции к сокращению функциональной нагрузки гласных и увеличению ее на согласные произошло окончательное оформление фонологического противопоставления согласных по твердости / мягкости. Перед /е/ на месте твердых распространяются мягкие согласные, что провоцирует в 1-м предударном слоге изменение [е] > [и], артикуляция которого “ближе к дополнительной артикуляции палатализованного согласного” [20, с. 93], о переходе е в и в русских говорах см. также [27, с. 16–17]. Прежде всего [и] на месте [е] распространяется в позиции перед мягкими согласными. Этот процесс приводит не только к фонологизации фонетической закономерности, но видоизменяет саму систему распределения гласных 1-го предударного слога: появление гласного [и] на месте фонем верхнего подъема теперь обусловлено не артикуляционной характеристикой ударного гласного, а фонологическим признаком следующего за ним согласного. В результате звук [и] в 1-м предударном слоге со временем распространялся перед любым мягким согласным.

6. В тех тульских говорах, которые развивали новый тональный контур “сильный центр и слабая периферия”, гласный [а] в 1-м предударном слоге стал возможен перед любым ударным гласным, что кардинально меняло прежнюю систему предударного вокализма. После твердых согласных развивалось сильное аканье, которое могло сохранять следы своей диссимилятивной основы перед ударным [а]. После мягких согласных и перед твердыми также во всех позициях распро-

странялся звук [а], однако наличие [и] перед мягкими согласными сразу же ограничило появление в этой позиции звуков верхнего подъема. Таким образом, умеренное яканье, характерное для большинства тульских говоров, сложилось в результате совмещения двух принципов: умеренности в позиции перед мягкими согласными и принципа сильного яканья в позиции перед твердыми.

На западной периферии тульских говоров сохранялась старая структура фонетического слова, что обуславливало консервацию прежней диссимилятивной зависимости. При наличии под ударением противопоставления /ω/ ~ /о/ на месте [е] перед ударными /о/ и /а/ со временем распространялся звук [и], то есть происходил окончательный переход к системе противопоставления [и] – не-[и]. В результате появилось архаическое диссимилятивно-умеренное яканье верхне-днепровской разновидности.

После твердых согласных продолжает функционировать архаическое диссимилятивное аканье, которое также испытывает действие ассимилятивных тенденций. Подобная система предударного вокализма, отмеченная в некоторых говорах Белёвского р-на Тульской обл. и Ульяновского р-на Калужской обл., развивается за счет распространения в 1-м предударном слоге гласных [и] после мягких и [э] после твердых согласных независимо от гласного под ударением, то есть усиливается тенденция к полному неразличению безударных гласных.

Если при формировании диссимилятивно-умеренного яканья противопоставление фонем /ω/ ~ /о/ отсутствовало и диссимиляция проявлялась только перед /а/, в результате актуализации умеренного принципа возникало неархаическое диссимилятивно-умеренное яканье древнейшего вида с произношением [а] перед ударными [ы], [у], [о]; [е] перед ударным [а]; [и] перед ударными [и], [е], [’у], [’о], [’а]. Такой тип яканья, называемый чухломским, до сих пор отмечается в некоторых говорах Чухломского акающего острова, которые сложились в результате взаимовлияния севернорусской и южнорусской систем [11, с. 433], что, вероятно, и обусловило сохранение наиболее древних отношений при диссимилятивно-умеренном яканье.

Диссимиляция перед [а] сохранялась благодаря особой ритмической структуре слова. После твердых согласных формировалось диссимилятивное аканье жиздринской разновидности, после мягких – возникало неархаическое диссимилятивно-умеренное яканье верхне-днепровского типа (после изменения [е] > [и] перед ударным [а]).

⁸ О монофтонгизации дифтонгов в русских говорах см. [11, с. 135, 390–397].

Такие особенности широко распространены в юго-западных говорах.

В принципе верхне-днепровская разновидность также может изменяться в умеренное яканье, что наблюдается, например, в некоторых говорах Ульяновского р-на Калужской обл. Однако в этом случае распространение [а] перед ударным [а] обычно проводится непоследовательно, и в указанной позиции отмечается довольно много примеров со звуком [и] [28, с. 112–115].

Диссимилятивно-умеренное яканье, не знающее различия предударных гласных перед ударными /о/ и /ω/, может формироваться на базе суджанского диссимилятивного яканья [12, с. 21]. Диссимилятивно-умеренное яканье, сложившееся на основе суджанского диссимилятивного яканья, всегда сохраняет характерные особенности своей диссимилятивной основы – нерегулярное произношение [и] и [а] перед ударным о, подробнее см. [1, с. 21].

7. В дальнейшем умеренное яканье обычно развивается за счет распространения [и] перед твердыми согласными, то есть движется в направлении к иканью. Причины этого очевидны: нейтрализация фонем /'a/, /'o/, /e/ и /и/, возникнув в позиции перед мягкими согласными, неуклонно расширяет область своего функционирования, постепенно увеличивая число позиций неразличения. Звук [и], реализующий в 1-м предударном слоге не только фонемы /a/, /o/, /e/, но и /и/ (независимо от позиции), становится “свободным в употреблении, получая, таким образом, преимущество перед гласным а <...>, употребление которого ограничено условием – только перед твердыми согласными” [29, с. 58].

Сегодня во многих системах умеренного яканья отмечаются элементы иканья, а на северной периферии тульских говоров умеренное яканье уже практически исчезло. Так, в 1963 году в с. Глазово Серпуховского р-на Московской обл. было зафиксировано умеренное яканье, которое тогда было в говоре неустойчивой чертой, вытесняемой иканьем: “у младшего поколения яканье утрачено полностью” [30, с. 297]. При обследовании говора в середине 1990-х годов не было обнаружено даже реликтов этого типа предударного вокализма, речь информантов старшей возрастной группы характеризовалась последовательно проведенным иканьем (образец звучащей речи из этого населенного пункта приведен в [19, с. 105–109]).

После твердых согласных выбор модели развития предударного вокализма был обусловлен двумя факторами: во-первых, качеством предударно-

го гласного, реализовавшего в 1-м предударном слоге звукотип не-[а] после твердых согласных, во-вторых, общей ритмической структурой слова. Просодический контур, предполагающий произношение перед ударными гласными неверхнего подъема коротких закрытых гласных, а также наличие в этой позиции лабиализованных гласных способствуют консервации общего принципа диссимиляции. Тенденция к произношению перед монофтонгами средне-верхнего подъема, реализующими фонемы /ъ/ и /ω/, гласных [э], [о], [ы], приводит к формированию особой модели предударного вокализма – прохоровского диссимилятивного аканья, обнаруженному Л.Л. Касаткиным в Хвастовичском р-не Калужской обл. [19, с. 46]. Тенденция к развитию этого типа вокализма отмечается на периферии тульских говоров – на границе юго-западной и юго-восточной диалектных зон.

Основному массиву тульских говоров свойственна другая тенденция – распространение в 1-м предударном слоге гласного [а] вне зависимости от гласного под ударением. Это происходит не только благодаря наличию гласных пониженного подъема в соответствии со звукотипом не-[а], но и благодаря особой ритмической структуре слова – “сильный центр и слабая периферия”, которая обуславливает появление а-образных гласных в 1-м предударном слоге перед любым ударным гласным.

8. Предложенная схема развития умеренного яканья, разумеется, не может быть применима ко всем умеренно-якающим говорам, зафиксированным в пределах южнорусского наречия. Прежде всего это касается островных говоров с умеренным яканьем, расположенных на южнорусских территориях среди принципиально других вокалических систем, например среди говоров с умеренно-диссимилятивным и ассимилятивно-диссимилятивным типами вокализма. Как правило, подобная пестрота вокалических систем обусловлена особенностями этносоциальной структуры населения: умеренное яканье отмечается исключительно в речи помещичьих, или “барских”, крестьян, а умеренно-диссимилятивный и ассимилятивно-диссимилятивный типы характерны для государственных крестьян и однодворцев.

Подобная ситуация зафиксирована в Милославском р-не Рязанской обл.: в селах Липяги и Боршево, где жили государственные крестьяне, отмечено ассимилятивно-диссимилятивное яканье новосёлковской разновидности, а в говоре расположенной недалеко от Липягов деревни

Бугрѡвка с бывшими помещицкими крестьянами – умеренное яканье⁹. Похожую закономерность обнаружил Г.Н. Межецкая в говорах Елецкого р-на Липецкой обл. [31, с. 128–139].

Очевидно, что умеренное яканье в этих говорах формировалось в результате переселения помещиками крепостных крестьян, что приводило к смешению разнородных говоров и формированию “универсального”, наиболее простого с точки зрения структуры типа вокализма. Однако умеренное яканье в подобной ситуации обычно не оказывало никакого влияния на исконные южнорусские говоры соседних населенных пунктов с умеренно-диссимильативным и ассимильативно-диссимильативным типами вокализма. Причина этого кроется в антагонизме между различными этносоциальными группами русского населения, который препятствовал их ассимиляции и распространению в реликтовых южнорусских говорах иносистемных диалектных особенностей.

9. Таким образом, тульское умеренное яканье можно рассматривать как закономерный результат имманентного развития архаической системы вокализма. Появление принципиально новой структуры зависимостей связано с актуализацией в тульских говорах ассимильативных тенденций – для южнорусских говоров характерна организация фонетического слова “по правилам дистантных связей” и не уникальна ситуация, “когда слоговая гармония обнаруживает свой потенциал только при условии нарушения традиционной вокальной модели слова” [25, с. 31]. Развитие на базе актуальной тенденции к регрессивной ассимиляции по подъему новых системных отношений, характерных для умеренного и диссимильативно-умеренного типов вокализма, было связано с фонологизацией прежней фонетической закономерности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Савинов Д.М. Многофакторный анализ систем предударного вокализма в южнорусских говорах // Известия РАН. Серия литературы и языка. Т. 69. 2010. № 5.
2. Дурново Н.Н. Введение в историю русского языка. [2-е изд.] М., 1969.
3. Аванесов Р.И. Лингвистическая география и история русского языка // Вопросы языкознания. 1952. № 6.
4. Парикова Н.Б. Умеренное яканье в тульских говорах. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1960.
5. Захарова К.Ф. Отзыв об автореферате Д.М. Савинова. Вокализм первого предударного слога некоторых тульских говоров (Белѡвский и Венѡвский районы). М., 2000 [рукопись].
6. Филин Ф.П. О происхождении и развитии восточнославянского аканья // В.И. Георгиев, В.К. Журавлев, Ф.П. Филин, С.И. Стойков. Общеславянское значение проблемы аканья. София, 1968.
7. Парикова Н.Б. Умеренное яканье в тульских говорах // Материалы и исследования по русской диалектологии. Новая серия. Вып. II. М., 1961.
8. Парикова Н.Б. Об аналогии в некоторых особенностях умеренного аканья средневеликорусских и южновеликорусских говоров // Ученые записки Великолукского пед. ин-та. Т. IV. Вып. 3. Кафедра русского языка. Великие Луки, 1959.
9. Филин Ф.П. Образование языка восточных славян. М., 1962.
10. Аванесов Р.И. Русская литературная и диалектная фонетика. М., 1974.
11. Касаткин Л.Л. Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка. М., 1999.
12. Захарова К.Ф. Типы диссимильативного аканья. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1970.
13. Аванесов Р.И. Очерки русской диалектологии. Ч. 1. М., 1949.
14. Касаткина Р.Ф., Савинов Д.М. Еще раз к истории развития ассимильативно-диссимильативного вокализма в южнорусских говорах // Проблемы фонетики. V / Под ред. Р.Ф. Касаткиной. М., 2007.
15. Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР / Под ред. Р.И. Аванесова и С.В. Бромлей. Вып. I. Фонетика. М., 1986.
16. Касаткина Р.Ф. О южнорусском диссимильативном аканье // Филологический сборник (к 100-летию со дня рождения академика В.В. Виноградова). М., 1995.
17. Касаткина Р.Ф. Южнорусское наречие. Новые данные // Вопросы языкознания. 2000. № 6.
18. Каменев В.Н. О говорах северо-восточной части Одоевского уезда Тульской губернии // Труды Постоянной комиссии по диалектологии русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. Вып. 9. Л., 1927.
19. Русские народные говоры. Звучащая хрестоматия. Южнорусское наречие / Под ред. Р.Ф. Касаткиной. М., 1999.
20. Касаткин Л.Л. Из истории аканья – яканья в русском языке // Русский язык в научном освещении. 2010. № 2 (20).
21. Савинов Д.М. О причинах эволюции систем предударного вокализма в южнорусских говорах // Вопросы языкознания. 2012. № 2.

⁹ Говоры Милославского р-на Рязанской обл. обследованы в 2001 году научными сотрудниками ИРЯ РАН О.Г. Ровновой и Д.М. Савиновым.

22. *Котков С.И.* К изучению орловских говоров // Ученые записки Орловского пед. ин-та. Т. VII. Кафедра русского языка. Вып. 3. Орел, 1952.
23. *Чекмонас В.Н.* Территория зарождения и этапы развития восточнославянского аканья в свете данных лингвогеографии // *Russian Linguistics*. 11. 1987. № 2/3.
24. *Касаткин Л.Л.* Катагощинское яканье в говоре семейских – старообрядцев Забайкалья // *Проблемы фонетики*. IV / Под ред. Р.Ф. Касаткиной. М., 2002.
25. *Калнынь Л.Э.* Фонетическая программа слова как пространство фонетических изменений в славянских диалектах. М., 2001.
26. *Рыбочкина Е.А.* Фонетика и морфология тульских говоров XVII века. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1970.
27. *Сидоров В.Н.* Из русской исторической фонетики. М., 1969.
28. *Клейменова Е.С.* Говоры южной части Калужской области. Дис. ... канд. филол. наук. М., 1956.
29. *Захарова К.Ф.* “Слабые” фонемы предударного вокализма в русских говорах // *Фортуновский сборник* / Отв. ред. Е.В. Красильникова. М., 2000.
30. *Иваницкая Е.Н.* Лексика говоров Ленинского [Серпуховского] района Московской области // *Ученые записки Московского гос. пед. ин-та*. 1967. № 264 (Вопросы лексики и грамматики русского языка).
31. *Межеуцкая Г.Н.* Вокализм первого предударного слога в елецких говорах. Дис. ... канд. филол. наук. Череповец, 2010.